

АНДРЕЙ МАКСИМОВ

АНДРЕЙ МАКСИМОВ

ЛЮБИМАЯ,
ЛЮБИ МЕНЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М17

Максимов, Андрей.

М17 Любимая, люби меня/ Андрей Максимов. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Золотые строки).

ISBN 978-5-17-099010-8.

Почему люди так любят читать стихи о любви? Потому что это то чувство, в котором до конца разобраться невозможно, а разбираться хочется. Кроме того, стихи о любви помогают нам лучше понять самих себя.

Составитель антологии, известный писатель и телеведущий Андрей Максимов, не случайно назвал ее «субъективной»: такого набора поэтов с такими подборками стихов вы вряд ли где еще найдете.

Кроме того, Максимов родился в семье писателя (антология названа строкой из стихотворения его отца, известного поэта Марка Максимова), и многих авторов он знал лично или, как говорится, «через одно рукопожатие». Все подборки открывают небольшие эссе об авторах, которые, возможно, помогут вам чуть иначе взглянуть на их творчество, узнать о поэтах то, чего вы не знали.

Вам надоела суета жизни? Вам хочется остановиться и задуматься о чем-то важном? Откройте эту книгу на любой странице.

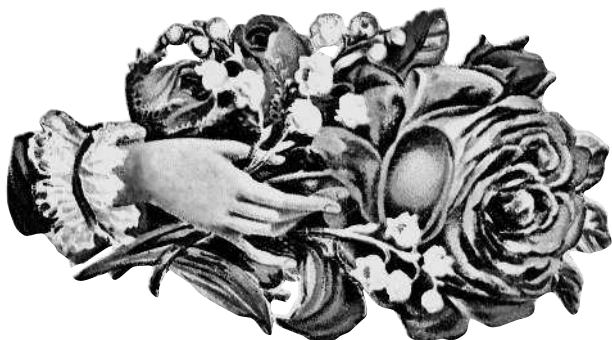
УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-099010-8.

© Андрей Максимов
© ООО «Издательство АСТ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Здравствуйте! Спасибо за то, что взяли в руки эту книгу. Волнуюсь я что-то. Это не кокетство, не стремление оригинально начать книгу, это правда. Или, как говорил мой любимый Григорий Горин: «Это не правда. Это хуже, чем правда. Так оно и есть на самом деле».

У меня много книг. Иногда я даже думаю, что их неприлично много — более сорока. Они написаны в самых разных жанрах, среди них есть даже одна поэтическая антология: «Любовь ушедшего века», в которой я собрал стихи друзей моего отца, поэта Марка Максимова, его учеников и учителей.

Но все же книга, которую вы держите сейчас в руках, для меня особенная. Я много лет ходил с идеей такой антологии. Куда ходил? Туда-сюда ходил, думал, мечтал, рассказывал... Иногда робко к разным издателям захаживал...

И спасибо издательству АСТ, которое сходу согласилось с этой идеей.

Всю жизнь я занимаюсь одним: пытаюсь понять людей. Ужасно увлекательное занятие!

Беру ли я свои интервью на телевидении; занимаюсь ли психофилософией: консультирую людей, читаю лекции или пишу книги; сочиняю ли романы или пьесы для взрослых или для подростков; ставлю ли спектакли; преподаю ли — в сущности, меня не интересует ничего, кроме того, как выстраивает человек отношения с миром и с самим собой.

Любовная поэзия, конечно, самый исповедальный поэтический жанр. Тот, кто пишет стихи о любви, раскрывает свою душу — вот она лежит, обнаженная, подрагивая: изучайте, смотрите.

Громкие слова? Наверное. Но... Так ведь оно и есть на самом деле.

Вместе с замечательным режиссером Константином Худяковым мы в свое время делали телесериал «Остров без любви». Он был построен на рассказах о любви русских писателей, начиная Чеховым, и заканчивая Горьким. Для меня явилось определенным открытием, что, оказывается, в рассказах о любви удивительным образом раскрывается время: не навязчиво, но очень однозначно. Время существует фоном, но этот фон подчас более явственно и правдиво дает понимание эпохи, чем, скажем, газетная статья.

В стихах — так, да не совсем. В некоторых из них время живет столь явственно — не перепутаешь эпоху! В иных же — и вовсе не поймешь в каком веке написано.

Настоящие стихи о любви — это всегда исповедь. Поэтому в них не только душа автора явственно видна, но и то, как он строил свои отношения с эпохой. Одни раскрывали ее даже в лирических откровениях, дру-

гие — прятались от нее, третьи — кажется, вовсе не замечали, были и те, кто от своего времени бежал...

Время в стихах о любви — отдельная, и, как мне кажется, очень интересная категория.

В психологии есть такое понятие «межличностная аттракция»: ничем не объяснимое притяжение одного человека к другому. На мой взгляд, эта самая аттракция непременно присутствует и в отношениях поэта и читателя.

На самом деле, ничем не объяснить: почему этот поэт тебе близок, а тот — нет; почему с этим тебе хочется общаться, познавать его, понимать, а иного ты даже признаешь за великого — ладно! — но интереса у тебя он не вызывает, не возникает близости.

Поэтому для меня принципиально, что это антология — субъективная. И по подбору имен. И по подбору произведений. Она никоим образом не претендует ни на какой объективный обхват, ни на выявление каких-нибудь тенденций. Это взгляд одного человека. Не более, но и не менее.

Мой взгляд субъективен еще и потому, что я родился в семье поэта, и мое детство прошло среди тех, кого впоследствии стали величать «классиками советской литературы». Вероника Тушнова познакомила моих родителей и сделала много для того, чтобы они поженились. Я приезжал с мамой к отцу в знаменитый дом творчества писателей Переделкино и слушал, как Арсений Тарковский читал папе свои стихи. Юрий Левитанский — частый гость нашего дома, который подарил мне свою книгу, чем я невероятно гордился. Григорий Поженян учил меня заниматься фитнесом в те годы, когда и слова-то такого не было. Сергей Орлов был ближайшим другом моего отца, и впервые я плакал об умершем человеке, когда его не стало. Моя мама познакомилась

с будущей матерью моего сына, когда пришла с похорон своей ближайшей подруги Юлии Друниной.

И так далее. И так далее. И так далее.

Я не могу быть объективным.

Мне кажется, что я любил стихи всегда. Одно время даже пробовал их писать, и кое-что даже печатал, и участвовал в Совещании молодых писателей именно как поэт. Но очень быстро понял, что как у Пастернака у меня не получится, а хуже — зачем?

С поэтами у меня, читателя, всегда возникали личные отношения. И с ушедшими, и с теми, с кем был знаком лично. Я помню, как в юности пытался потрясти девчонок, читая им наизусть Ходасевича. Помню, как отец впервые прочел мне «Военно-морскую любовь» Маяковского, и я совершенно ошалел: оказывается вот как писал революционный поэт!

Много лет назад я прочел стихи Екатерины Горбовской и с тех пор мечтаю с ней познакомиться. Я помню, как работал в еженедельнике «Собеседник», и мне принесли стихи неведомого мне поэта Леонида Губанова. Я прочел и понял: это — гений! Помню, как прорывался на вечера Булата Окуджавы и Владимира Соколова, и как сотни человек — сейчас это трудно себе представить — с замиранием сердца в полной тишине слушали со сцены стихи. Знатоки поэзии, посмотрев рукопись, мне уже сказали, что в одной книге не могут быть Ахматова, Пастернак, Левитанский и тут же — Губерман. Губерман как бы не совсем поэт. Ради Бога! Я обожаю этого человек, и его стихи тут будут непременно. Моя подруга познакомила меня со стихами Игоря Царева, и я понял, что я жил и даже работал рядом с замечательным поэтом, о котором ничего не знал. Стихи Юлии Драбкиной, впервые найденные в Интернете, оказали существенное влияние на мою жизнь. А как

я робел брать первое интервью у Веры Полозковой! А она оказалась в общении удивительно доброжелательным и светлым человеком.

Нет, нет и нет! Я не могу быть объективным.

И, на самом деле, и не хочу!

Пожалуй, я даже субъективен в том, что именно считать стихами о любви. Читая классиков (и ушедших и живых) я вдруг понял, что очень часто стихи о любви — это, на самом деле, стихи о нелюбви. Нелюбовь объясняет любовь, вот ведь как оно получается.

Субъективный взгляд? Без сомнения. А какой еще может быть?

Также как и абсолютно субъективны мои небольшие эссе о поэтах, чьи произведения вошли в эту книгу. Я не ставил своей целью подробно рассказать о них — для этого есть Википедия. Небольшое предисловие. Попытка ввести в мир поэта. Не более. И не менее.

Когда вопрос о составлении антологии встал вполне себе практически, я понял, что поэтов надо располагать по алфавиту, чтоб не запутаться. И с той же целью надо их разделить на какие-то периоды.

Сразу скажу, что деление условно. За критерий я брал не дату рождения, а годы, когда их стихи прозвучали с наибольшей силой.

Начало века. Это период до войны.

Середина века. В основном, это те поэты, которые начали писать перед самой войной или на войне.

Конец века. Те, кто дебютировал перед оттепелью, в оттепель и на излете века.

XXI век. Эпилог нашей книги. Те, кто всерьез прозвучал в самом-самом конце прошлого и начале этого века.

Еще раз подчеркну: деление вполне себе условное.

Я хотел, чтобы это была не просто антология, но в полном смысле слова — книга, главным героем кото-

рой является Поэзия. В сущности, антологию можно было бы назвать «Приключения поэзии в XX веке», если бы это не звучало слишком претенциозно.

Разные имена, разные судьбы, и такая разная жизнь Поэзии. Она опиралась на Пушкина, — поэтому для меня столь принципиален Пролог этой истории, и развивалась по-разному и невероятно интересно.

Мне, безо всякой мистики, иногда казалось, что поэты разных эпох *как бы* переговариваются на страницах этой истории. Ужасно хотелось бы, чтобы такое же ощущение было и у вас, читателей этой книги.

Я работал над этой антологией с огромным удовольствием. Представьте себе, мой рабочий день начинался с того, что я открывал том Цветаевой или Левитанского, Ахматовой или Пастернака, Северянина или Ходасевича...

Я очень надеюсь, что хотя бы часть этой энергии удовольствия передастся и Вам, дорогой читатель.

Здравствуйте! Спасибо, что мы вместе.

Волнуюсь...

В МЕСТО ПРОЛОГА

АЛЕКСАНДР
ПУШКИН

К...

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: НАЧАЛО ВЕКА

Что такое поэзия начала XX века?

Серебряный век... Уникальное явление... Великая поэзия... Да! Безусловно. Что тут много говорить?

Но для меня это еще — а, может быть, и в первую очередь — столкновение двух миров.

Мира прошлого: традиционного, прекрасного, лиричного, легкого, воздушного...

И мира, который решил, что он-то и есть будущее: нарочито оптимистичного, резкого и безапелляционного.

Анна Ахматова и Владимир Маяковский, Осип Мандельштам и Ярослав Смеляков, Иван Бунин и Павел Васильев, Владимир Ходасевич и Николай Тихонов, Борис Пастернак и Семен Кирсанов...

Россия, которую мы потеряли, как теперь очевидно — навсегда.

И Россия, про которую мы долго думали, что ее обрели, но, в конце концов, и ее потеряли тоже.

В прошлом веке мы потеряли две России. Уникальный исторический поворот.

Совсем разные интонации, словно люди живут в разные эпохи. Совсем разный взгляд на мир и на себя в этом мире.

Они не сражаются друг с другом. Просто сосуществуют. Пока еще рядом. Некоторые мечтают, страшась потерять старое и одновременно мечтая прибиться к новому.

Все судьбы поэтов, чьи стихи вы сейчас прочтете, трагические. За редчайшими исключениями. Кто-то расстрелян. Кто-то сидел. У кого-то убиты любимые люди. Кто-то вынужден эмигрировать и всю жизнь тосковать по Родине.

Время, когда впервые столкнулись Поэзия и Советская власть.

Советская власть уничтожала.

Но теперь стало очевидно, что Поэзия победила.

НАЧАЛО ВЕКА

